

На правах рукописи

Шурунгова Болха Алексеевна

**РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.22 - языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук



Элиста - 2004

Работа выполнена на кафедре калмыцкого языка
Калмыцкого государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Биткеев Петр Цеденович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Чарков Сергей Леонидович

кандидат филологических наук
Омакаева Эллага Уляевна

Ведущая организация - Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН

Защита состоится "15" апреля 2004 г. в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета К 212.305.01 в Калмыцком государственном
университете по адресу: 358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул.
Пушкина, 11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Калмыцкого
государственного университета по адресу: 358000 Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

Автореферат разослан "12" марта 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук



Бадмаев Б.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Заимствование — это естественное явление в процессе функционирования любого языка, один из постоянных источников пополнения языка новыми единицами.

Это особенно характерно для калмыцкого языка, куда русские заимствования поступают на протяжении почти четырехсот лет и продолжают интенсивно поступать и в наши дни устным и письменным путями. Вместе с тем процессы языковых заимствований и взаимодействий не получили еще должного обобщения в калмыцком языкознании.

Поэтому проблема заимствования в калмыцком языке, в первую очередь русских заимствований, — очень актуальный аспект функционирования и развития калмыцкого языка, а исследование заимствований, характера их фонетической, морфологической, лексико-семантической адаптации, их влияния на соответствующие подсистемы языка-адресата имеет большую теоретическую и практическую значимость.

Цель и задачи диссертации. Целью данной работы является исследование проблем, связанных с проникновением и адаптацией заимствований.

1. Определение исторических предпосылок и условий для проникновения русизмов в калмыцкий язык.

2. Уточнение теоретических проблем заимствования в современном языкознании.

3. Провести сопоставительное исследование звукового и грамматического строя калмыцкого и русского языков, чтобы выявить условия для адаптации русских элементов в калмыцком языке.

4. Дать временную и локальную характеристику русизмам в калмыцком языке.

5. Выявить процессы адаптации русских заимствований калмыцким языком и дать при этом анализ их фонетического, морфологического и лексико-семантического освоения и включения в систему калмыцкого языка.

Материал исследования. Фактический материал как по калмыцкому, так и по русскому языкам, на котором базируется наше исследование, взят из имеющихся словарей современного русского языка, из калмыцко-русских и русско-калмыцких словарей различных авторов, в том числе и калмыцко-немецкого словаря Г.И. Рамстедта, из научных грамматик калмыцкого и русского языков, из специальных исследований по отдельным вопросам строя калмыцкого языка и его диалектов, из личных наблюдений над калмыцким языком.



Методы исследования. Основными методами исследования в диссертации являются сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический методы, включая наблюдение, сопоставление, описание, обобщение. Исследование материала диссертации основано на анализе языковых явлений с позиций теоретических и методологических положений, принятых в каждом сопоставляемом языке в отдельности.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые в калмыцком языкознании и шире - в монголоведении предпринята попытка комплексного монографического исследования проблемы влияния русского языка на развитие и обогащение калмыцкой лексики, вопросов адаптации русских элементов в фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом аспектах, вхождения их в структуру калмыцкого языка.

Теоретическая и практическая значимость проведенного диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут послужить уточнению теории взаимодействия языков в многонациональном государстве, особенно в таком, каким является Россия, где русский язык издавна стал языком межнационального общения и в то же время представляет собой государственный язык как во всей Российской Федерации, так и в Республике Калмыкия, наряду с калмыцким языком. Такое же положение и в других республиках России, где приняты два государственных языка - русский и национальный, например, в другой монголызычной республике России - Бурятии. Поэтому проблемы взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения национальных и русского языков очень актуальны в настоящее время, а их исследование имеют большую теоретическую и практическую значимость. Материалы и частные выводы могут быть использованы при дальнейшей разработке теоретических проблем лексикологии, истории калмыцкого языка, в учебных курсах по типологии калмыцкого и русского языков, по калмыцкой лексикологии, теории перевода и, вообще, в переводческой деятельности, а также в практике преподавания калмыцкого и русского языков в национальных школах и вузах.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры калмыцкого языка КГУ, ее основные положения докладывались на научных форумах. По теме исследования имеются 3 публикации.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дан критический обзор теоретических положений общего языкознания по вопросам заимствования, в частности, причин воз-

никновения заимствования, критерий определения освоенности заимствованных слов.

Рассматриваются существующие в литературе толкования термина «заимствование» - результат влияния иного языка, процесс перемещения языкового материала из одного языка в другой, процесс двусторонний, нечто случайное, несвойственное языковому развитию и др. Причинами использования заимствований принято считать экстралингвистические и собственно лингвистические факторы. Употребление слов иноязычного происхождения, по мнению исследователей, это необходимость пополнить экспрессивными средствами языка, тенденция к устранению омонимии и полисемии, разграничение смысловых оттенков, стремление к замене двухчленных наименований одночленными.

К критериям степени освоенности иноязычных слов относят формальные, семантические, функциональные признаки адаптации заимствованных слов, т.е. передача иноязычного слова фонетическими, грамматическими средствами заимствующего языка. При этом различают освоенные полностью, частично освоенные и неосвоенные иноязычные слова.

В этом же разделе дан и критический обзор статей по заимствованию в калмыцком языкознании, где, как в монголистике в целом, нет специального монографического исследования по этой проблеме. Имеется лишь несколько статей, в которых получили отражение вопросы заимствования, правила их орфографического написания. Это в основном статьи И.К.Илишкина, Д.А. Сусеевой, Д.А.Павлова, Э.Ч.Бардаева, в которых отмечаются признаки фонетической адаптации — отпадение конечных гласных, присоединение к начальному согласному звуку слова гласного в качестве протезы, замена звуков ф в заимствованных словах звуками п, х, удлинение гласных в первом слоге заимствованного слова. В некоторых из них утверждается, что «заимствованные из русского языка звуки «ф», «щ», «ж» органически вошли в звуковую систему калмыцкого языка». В качестве аргумента дается ссылка на то, что «трудно найти двуязычного калмыка, который не мог бы их правильно произнести». Критический обзор литературы позволяет подытожить: нет охватывающего все аспекты адаптации заимствуемых слов, системного их анализа, обоснованных выводов о закономерностях и причинах их освоения, сделанных на основе учета типологических данных анализа уровней систем сопоставляемых языков.

Первая глава «Фонетическая адаптация русизмов в калмыцком языке» содержит одиннадцать разделов, в которых дан типологический анализ подсистем гласных и согласных фонем калмыцкого и русского языков

с выявлением общих и различительных фонологических признаков, супрасегментных явлений, анализ моделей словоформ, структур слогов, которые выступают важнейшими условиями, определяющими основные закономерности фонетических изменений заимствований при их адаптации применительно к калмыцкому языку.

Исходной основой исследования фонетической адаптации заимствований являются фонологические системы, закономерности позиционной и комбинаторной употребительности фонем обоих языков. Типологический анализ показывает общие черты фонологических систем сопоставляемых языков и их отличительные особенности.

Гласные и согласные фонемы в калмыцком и русском языках имеют значительные отличия в закономерности употребления их в слове. Звуковой строй калмыцкого языка, включая сюда и суперсегментные явления, артикуляционно-акустические свойства, представляет собой для заимствуемой лексики своеобразную модель, которая преломляет звуковую оболочку заимствований. Степень и характер такого преломления зависит от звукового строя языка-адресата, хотя строй языка-источника не остается безучастным.

2. Фонетическая адаптация русизмов во многом зависит и от тех расхождений, которые характерны для подсистем гласных и согласных фонем, их употребительности в различных позициях слова и в различных сочетаниях их между собой. Так, звуковые строи обоих языков имеют не только общие черты, но и отличительные особенности, к числу которых относятся количество фонем: гласных фонем — в калм. 21, в русском - 6. Общими для обоих языков фонологическими признаками гласных являются: признаки деления гласных по степени подъема языка при их артикуляции, по огубленности - неогубленности. Однако подсистема гласных фонем калмыцкого языка отличается от гласных фонем русского языка наличием деления гласных по длительности (краткости-долготе), степени напряженности (краткие, долгие - неясные), а также по сингармонической рядности их употребления (твердорядные — мягкорядные — нейтральнорядные). Эти расхождения, естественно, обуславливают различия в частоте их употребления. Русские гласные употребляются обычно в различных позициях слова без ограничений. Калмыцкие гласные обычно регламентированы в употреблении, например, гласные [ə, ɛ:, э, э:] могут употребляться только в первом слове слова, неясные гласные и [ы, ы:] — только в непервых слогах слова. По закону сингармонизма, одни гласные могут употребляться только в твердорядных словах, другие — только в мягкорядных, а нейтральнорядные гласные в словах обоих сингармони-

ческих рядов. И через это "сито" подсистемы гласных фонем калмыцкого языка проходит адаптация гласных заимствованных слов.

Вместе с тем и подсистема гласных фонем русского языка не остается безучастной при их адаптации. Гласные в заимствуемых словах бывают более устойчивыми, менее устойчивыми или совсем неустойчивыми, в зависимости оттого, находится ли гласный в ударенном или безударном положении.

Типологический анализ фонетического взаимодействия при заимствовании позволяет заключить, что исключительной устойчивостью обладают гласные ударенного слога, которые, подвергаясь адаптации в первом слоге слова, заменяются, как правило, соответствующими долгими гласными, например, **улица — ульшгь, метр — мэ:тер, мячик — мэ:чег**, хотя иногда ударенные гласные заменяются в этой позиции слова и краткими гласными: **бомба — бомбь, почта — пошгь**. В позиции же непервого слога ударенные гласные в заимствуемых словах весьма устойчивы в отношении артикуляторно-акустического качества, передаются, как правило, соответствующими гласными полного образования - долгими или краткими, например, **барак — бараг, таракан — таракан, жилетка — жилэгтег, лото — лото, ботинки — бати:цкь, блины — билэшег**. Однако хотя и редко встречаются случаи, когда ударенные гласные в позиции непервого слога слова заменяются калмыцкими неясными гласными, например, **тарелка — тэрелке, солдат — салдъс, губернатор — говър**.

Гласные предударного слога в заимствованных словах заменяются в калмыцком языке соответствующими или близкими им краткими гласными, особенно, если слог, содержащий предударный гласный, начинает собою слово, например, **газета — гэзэд - газед, журнал — журнал, бригада — биргад, депутат — дэпутат**.

Гласные заударного слога являются в заимствованиях неустойчивыми. Они подвергаются сильной редукции, а часто полностью исчезают, например, **милиция — милиц, больница — бальниц, коромысло — кара:мъс, махорка — махо:ркь**.

Заимствованные слова нередко подвергаются воздействию при их адаптации закону сингармонизма калмыцкого языка, если гласный [e] или гласный [и] являются в этой позиции ударенным, особенно если такой ударенный гласный находится в первом слоге слова, например, **тэрелке «тарелка», о:рем «армия», пи:сер «писарь», меже «межа», гэзэд «газета»**. Но в ряде случаев закон этот не имеет такого воздействия, например, не совсем ясна сингармоническая трансформация слова **хутор**, калмыцкий вариант которого **ку:тер**, а также сохранение твердорядного характере

ра произношения в калмыцком варианте слова **купец** — **кувьд**. Если учесть, что гласный [е] второго слога является ударным, то надо было бы ожидать мягкорядное произношение в калмыцком варианте.

Согласные в обоих языках в подавляющем большинстве своем совпадают по активному органу артикуляции, по способу образования (смычные, щелевые, смычно-щелевые, дрожащие). Имеются и различия в подсистемах согласных обоих языков: в калмыцком согласные делятся по степени напряженности (сильные, слабые, сверхслабые), а в русском языке — по глухости-звонкости, которые для калмыцкого языка являются irrelevantными.

Согласные в сопоставляемых языках различаются и в количественном отношении (в калм. — 26, в рус. — 37 фонем), что обусловлено наличием в русском языке палатализованных согласных и некоторыми согласными, не имеющими фонологического соответствия в калмыцком.

В калмыковедной литературе при характеристике фонетических адаптации обычно ссылаются именно на эти частные фонетические расхождения, на субституцию фонем [ф, щ, ж], которые в ряде работ квалифицируются как фонемы уже калмыцкого языка. Эти согласные передаются в калмыцком языке разными фонемами или сочетанием фонем: [ф] — [п, х], [ж] — [ж, ж], [щ] — фонемой [ш] или сочетанием «шч».

Другие расхождения связаны с позиционной употребительностью фонем в языке-адресате. Характерными для калмыцкого языка являются закон ротацизма и закон ламдаизма, согласно которым согласная фонема [р] никогда не встречается в анлаутной позиции, а [л] употребляется в этой позиции слова очень редко. Поэтому при наличии в начале заимствуемого слова согласного [р] обязательно добавляется перед ним протетический гласный, а согласный [л] пытаются заменить другим согласным, обычно [н]: **ракета** — **аркэт**, **радио** — **ара:дю**, **лавка** — **лавкь** или **навкь**. Фонема [в] в анлаутной позиции заимствуемой лексики заменяется обычно [б], иногда [м], а в середине слова в сочетании с огубленными гласными может слиться с гласным: **вагон** — **багон**, **вазелин** — **базалнн**, **витамин** — **митамин**, **Москва** — **Маску**, **морковь** — **марку**.

Недопустимость сочетания согласных в инициальной позиции слова, характерная для всех алтайских языков, последовательно проявляется и в калмыцком языке. Поэтому при наличии в начале заимствуемого слова сочетания согласных, они «разряжаются» путем прибавления перед ними или между ними соответствующего гласного: **бригада** — **биргад**, **грамм** — **грам**, **стакан** — **исткан**.

Другие расхождения, требующие соответствующей передачи в кал-

мышком языке, связаны с позиционной употребительностью и сочетаемостью согласных фонем в калмыцком языке. Так, ряд согласных различается в обоих языках по их употребительности в определенных позициях слова, например, в русском языке согласные [б, д, г] не употребляются в абсолютном конце слова, где выступают обычно [п, т, к], а в калмыцком, наоборот, именно слабые согласные выступают в этой позиции слова.

Палатализованные согласные русского языка передаются, будучи в составе заимствуемых слов, или мягкими (среднеязычными) согласными, или слегка смягченными твердыми согласными фонемами в зависимости от позиции в слове, где выступают палатализованные согласные и их активного органа артикуляции.

Переднеязычные палатализованные согласные **ть,дь,нь,ль** часто передаются в калмыцком соответствующими мягкими согласными: **заняьт** «занятие», **гармуль** «гармонь», **бань - бэ:не** «баня», **пилэ:тег** «плитка».

Палатализованные согласные в начале слова могут передаваться также двойко: или твердой согласной фонемой: **сюда** — суда, **Нюра** — **Ну:ра**, или смягченным аллофоном твердой фонемы: **мячик** — **мэ:чг**, **Фёдор** — **Пе:дер**, **весь** — бэс.

Фонетическая адаптация русизмов заметно отличается в зависимости от того, к какому времени относится это заимствование, к дореволюционному, когда оно поступало в калмыцкий язык почти исключительно устным путем и при полном незнании калмыками русского языка, или в советское время, когда поток заимствований шел очень интенсивно и письменным путем и в основном при владении русским языком.

Существующая в калмыцком языкознании точка зрения, что заимствованными в калмыцком языке являются и фонемы, не находит подтверждения, поскольку фонемы сами по себе не заимствуются, они могут быть освоены только в составе слова, где они употребляются, а такие фонемы в слове могут быть произнесены только двязычными носителями языка.

Во второй главе «Морфологическая адаптация русизмов в калмыцком языке» даются общая типологическая характеристика морфологических систем калмыцкого и русского языков, принципы восприятия носителями калмыцкого языка русских суффиксальных морфем, индифферентность к категории грамматического рода в заимствуемых словах, закономерности заимствования различных частей речи, а также способы образования прилагательных, глаголов от заимствованных существительных.

Морфологическая адаптация заимствований во многом обусловлена

разным типологическим строем калмыцкого и русского языков, которые относятся, как известно, к агглютинативному и флективному строям. Соответственно чему в калмыцком языке корневая морфема начинает собою слово, а в русском языке корневая морфема необязательно может находиться в начальной позиции слова. Калмыцкое слово не знает префиксов, ему свойственны только аффиксы. Отсюда вытекают и различия в структуре слова, в частности, взаиморасположение его составных элементов, например, корневой морфемы с аффиксальными в калмыцком языке, корневой морфемы с префиксами, суффиксами и окончаниями - в русском.

Займствованные слова для носителей калмыцкого языка морфологически не членимы, поэтому заимствование воспринимается как единое лексическое целое, к которому при словоизменении и словообразовании присоединяются различные калмыцкие аффиксы. Показатели множественного числа, родовые окончания в заимствованных словах не воспринимаются в своем значении. Морфемы не опознаются, если носитель языка не является образованным двуязычным калмыком. Поэтому бытующее в калмыковедной литературе утверждение, что в калмыцком языке заимствованы суффиксы прилагательных **-ческ-, -н-, -ов-, -онн-, -енн-** и др. является лингвистически необоснованным. Эти суффиксы заимствованы вместе с основой слова и словоформа целиком может выражать качество, свойство и другие признаки.

Категория рода в калмыцком языке, как известно, отсутствует, поэтому для носителей калмыцкого языка в этом отношении совершенно безразлично, является ли то или иное заимствование мужского, среднего или женского рода, например, такие заимствования, как **стол, пиво, тарелка** (калм. произношение: **устол, пиве, тарелке**) или даже **лапша** (калм.: **лавша**), в последнем случае конечный гласный, будучи в ударенном положении, сохранился. Но носитель языка относится индифферентно к тому, имеется ли на конце слова гласный и что он выражает, словоформа воспринимается как лексическое целое.

Однако на письме пытаются различать родовые окончания личных имен и фамилий при словоизменении, например, **Манджиев, Иванов** в дат.-местн. **Манджиевд, Ивановд**, но те же фамилии в женском роде будут иметь в дат.-местн. падеже формы: **Манджиевад, Ивановад**. На письме также употребляются и аффиксальные формы передачи категории рода, например, женского рода. Пишут **трактористк** «трактористка», **машинисте** «машинистка», желая передать женский род имени деятеля. На таких примерах строят попытки возвести основание будто бы благодаря заимство-

ванным суффиксам в калмыцком языке проводится различие категории мужского и женского родов. Однако при употреблении таких слов в устной речи обычно дается пояснительный контекст следующего типа: трактористе куукд кун «женщина-трактористка». Аналогичная конструкция вошла в практику речи, поэтому она употребляется нередко и сейчас, когда форма трактористк понятна двуязычным калмыкам.

При этом необходимо отметить, что в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, имеются, как установил еще акад. Б.Я.Владимирцов, аффиксы, передающие категорию женского рода — существительных и прилагательных, например, улагч, харкч, хоогч (укр) «красной», «черной», «светлой» масти (корова). Эти прилагательные женского рода образованы от прилагательных, обозначающих цвета, с помощью аффикса, имеющего два варианта написания -гч, -кч, которые, будучи использованными применительно к характеристике животных, передают одновременно и масть животных, и женский род. Прибавление к ним аффикса —н образует слово, обозначающее существительное женского рода, например, улагчи «красной масти корова», боргчн «кобылица серой масти». Однако есть случаи использования аффикса -гчн безотносительно к масти животных, например, елгчн (ноха) "сука" или елгчн чон «волчица». Это слово вне сочетания с существительным передает значение "самка" (плотоядных животных), естественно, что при этом нет никаких указаний на признак масти. Косвенным подтверждением чего может служить и тот факт, что слово елгчн употребляется и в отношении женщин в ругательных выражениях и при насмешливо-пренебрежительной характеристике.

Категория женского рода образуется в калмыцком языке и от имен числительных, выражающих возраст животных с помощью аффиксов — жн, -чн, например, пунжн "трехлетняя (корова)", денжн "четырёхлетняя (корова)", туулжн «пятилетняя (корова)». Аффиксы в этих примерах указывают на женский род животных и на их возраст. В отношении животных мужского рода эти аффиксы уже не употребительны, можно сказать пуннбух «трехлетний бык», но не пунжн бух.

Для общей характеристики заимствований в калмыцком языке очень важно определить принадлежность поступающей лексики к различным частям речи. Принято считать, что в калмыцкий язык может входить лексика любой грамматической категории. Однако наши исследования показали, что в калмыцком языке заимствуются, как правило, существительные. Заимствование же лексики, относящейся к другим частям речи представляет почти исключение.

Глагольных заимствований, вошедших в калмыцкий язык без посредства существительных очень мало, к тому же они получают окончательное глагольное оформление с помощью калмыцкого глагольного аффикса —л. К ним можно отнести заимствованный глагол **отказлх** от русского глагола «отказать» - судебно-процессуальный термин, который использовался в дореволюционной Калмыкии и отражал понятие, когда суд отказывал в прощении. Глагол **Иоридлх** от русского слова "угореть» в том же значении. Глагол **командах** от русского «командовать» в том же значении.

Другой способ образования глаголов от заимствованных существительных происходит следующим образом: заимствованное существительное + калмыцкие глагольные аффиксы -л, -д, например, **бочклх (бочкълхь)** «укладывать в бочку», **паарлх (па:рълхь)** «ходить парами, пароваться», **мишклх (мишкелхе)** «укладывать в мешок», **аванслх (авансълхь)** «авансировать, давать аванс», **лавшалх (лавшалгълхь)** «разбавлять лапшой», **дегдлх (дегделхе)** «смазать дёгтем», **пудлх (пудълхь)** «измерять пудами». Эти же глаголы могли быть образованы и другим характерным для калмыцкого языка аналитическим способом, который представляет собой конструкцию, первый компонент которого является заимствованным существительным, а второй — глаголом калмыцкого языка, оформленным с помощью глагольных аффиксов -л, -д, например, **бочгт кех** «вкладывать в бочку», **ломар цокх** «бить ломом», **аванс егх** «выдавать аванс», **мишгт кех** «укладывать в мешок» и др.

В калмыковедной литературе имеются и сомнительные способы образования глаголов от основ заимствований с помощью калмыцких аффиксов повелительного наклонения -ул, -ул, например, **электрофицирулн** «электрофицируя», **революционирулн** «революционизируя», **машинизирулн** «машинизируя», **командирулн** «командируя». Такие образования искусственны, а последний пример совершенно не соответствует нормам калмыцкого языка, поскольку основа заимствования **командир-** не выражает ни процесса, ни состояния действия.

Исследования не подтвердили распространенное мнение о том, что суффиксы имен прилагательных **-ск (советск)**, **-н (термитн)**, **-онн (революционн)**, **-енн (государственн)**, **-ическ (социалистическ)** заимствованы в калмыцком языке. Можно говорить лишь об использовании слов, большей частью интернационального характера, с такими суффиксами. Эти слова воспринимаются как словоформы, выражающие определенные свойства, признаковость. С точки зрения калмыцкого языка это одноморфемные слова.

Прилагательные от основ имен существительных образуются путем полной редукации родовых окончаний, например, **социальн**, а также путем примыкания основы прилагательного к существительному: **бетон терм** «бетонная стена», **иризн поен** «резиновые сапоги».

Однако следуют различать и такие структурные образования: заимствование + калмыцкое слово, например, **радио соцсхвр** "радиослушание", телеузгдл "телевидение". К ним очень близки образования: **электробуруһу** "электросверло", **электрокерэ** "электропила", **электробашна** "электросварка", **автохаалһ** "автодорога", **автокелһн** "автотранспорт".

Заимствования, состоящие из двух равноправных в лексическом отношении компонентов, где один из них представляет собой калмыцкое слово, а второй - заимствованное типа **тевр бетон** "железобетон". По структурной модели такие образования строятся по образцу калмыцких парных слов: **хот-хол** "пища, питание", **халун-киитн** "температура" (букв.: "жара-холод").

Заимствованы некоторые междометия типа **киш** — для отгона кур, **но** — для понукания лошади, хотя в языке есть в этих целях слово **чу**. Некоторые междометия, экспрессивные слова иногда употребляются в сочетании с соответствующими словами калмыцкого языка.

Третья глава «Семантическая адаптация русизмов в калмыцком языке» содержит разделы: «Заимствование как способ пополнения лексического состава языка», «Влияние заимствований на семантику калмыцких слов».

Основную массу заимствований составляют отдельные слова, обозначающие новые предметы, явления, представляющие собой атрибуты и черты нового, новых условий жизни. Это самая большая и распространенная группа заимствований, поскольку познавательный процесс людей постоянен и теперь уже с каждым годом усиливается. Таковы заимствования типа **матыг** «тяпка» (рус. мотыга), **тарелке** (рус. тарелка), **Баруд** (рус. огород), более поздние - **шпион** «шпион», **грам** «грамм», **минут** «минута», **бомбь** «бомба», **ашкав** «шкаф», **арадо** «радио», **мишег** «мешок», **барна** «борона», **тарактыр** «трактор», **шопыр** «шофер» и др., с которыми раньше не были знакомы носители калмыцкого языка. Огромный поток заимствований, отражающих общественно-политическую, социальную, экономическую жизнь общества, хлынул в советское время, например, **социализм**, **коммунизм**, **колхоз**, **совхоз**, **парть** «партия», **агроном** «агроном», **эрем** «армия», **завод** «завод», **милиц** «милиция» и т.п. Продолжают поступать русизмы, интернационализмы, обозначающие достижения науки, техники, культуры, предметы обихода, домашнего быта. Такие термино-

логического характера заимствования постепенно, по мере их освоения, занимают определенные места в лексической системе языка.

Однако заимствоваться могут слова независимо от того, имеются или нет в языке-адресате соответствующие по значению слова и понятия. Наличие в языке-адресате соответствующих по значению слова или слов не мешает освоению заимствований. Важнейшими здесь являются принципы престижности и статусности. И заимствования часто оказывают влияние и на лексическую систему языка, о чем свидетельствуют такие заимствования, как **катг, турва. Катг** (произношение **каты**) «хатка», которое является уменьшительной формой от **хата** «крестьянский дом в украинской и южнороссийской деревне». В калмыцком варианте значение этого слова сужено, за ним закрепилось значение «небольшое сооружение для подсобной работы в хозяйстве или сарай для содержания скота, складское помещение». Видимо, изменение функции этого объекта и способствовало смещению семантики слова. Обращает на себя внимание тот факт, что одновременно с этим произошла дифференциация наименований всех построений и жилых помещений. Постоянным жильем в кочевых условиях была у калмыков юрта **гер**. Но с переходом на полуоседлый и оседлый образ жизни они осваивали различные жилища. Последние стали получать дифференцированные наименования: **катг** «небольшое построение для хозяйственных целей», **шавр гер** «глинобитный дом», **һазр гер** «землянка», **модн гер** «деревянный дом», **чолун гер** «каменный дом». В этой связи любопытно, что юрта, которая раньше называлась просто **гер**, теперь уже стала называться **ишкэ гер** букв.: «войлочная юрта». Такой же дифференциации подверглись слова **жолм** «юрта из жердей и кошмы», **деглэ** «юрта без дымового отверстия», они стали называться соответственно **жолм гер, деглэ гер**.

Слово **турва** «труба» заимствовано при наличии в калмыцком языке слов **ерк** «дымоход печи, дымовое отверстие» и **цорһ** «труба, полый предмет». **Турва** передает в основном значение «труба печи, дымоход». Различают, как известно, дымовую, подзорную трубы, музыкальный духовой инструмент, водосточную трубу, канал в организме и др. Все они объединены словом **труба**, обозначающим пустотелый предмет. Возникает вопрос: соотносен ли понятийно калмыцкий русизм с другими словами, начинающимся с основы **труб-**? Иными словами, заимствованы ли при усвоении слова **труба** калмыками и семантическое поле взаимосвязи значений, передаваемых основой **труб-** в произведенных от нее словах типа **труба, трубач, трубить, трубчатый, трубка** и др.?

В калмыцко-русском словаре зафиксировано заимствование **турва** и

даны следующие пояснения: **ус гууллнэ турва** «водосточная труба», **газин турва** «газовая труба», **бешин турва** «печная труба», там же: **турвач** «трубач», с пометкой *муз.*, **турва-бас** «труба-бас».

В том словаре даны и два исконно калмыцких слова, в какой-то мере ассоциирующиеся со словом труба. Это слова **цорһ** и **ерк**. Значения первого из них "перегонная труба (по которой стекается выкуренная молочная водка)", а в сочетании с уточняющими словами передает значения: **усна цорһ** "водопроводная труба", **газин цорһ** «газовая труба». Эти зафиксированные варианты слова **турва** (труба) применительно к газовым, водопроводным и другим трубам являются, пожалуй, отражением калмычко-русского двуязычия. И это можно рассматривать как факультативный вариант образования новых синонимов типа **цорһ — турва**.

В словарях отмечается и другое слово - **ерк** «дымовое отверстие (в крыше кибитки), дымоход, дымник», а также часть дымового отверстия — четырехугольная кошма для прикрытия дымового отверстия кибитки, например, **еркэн бутэх** "закрывать кошмой дымник", **еркэн хэрүлх** "открывать дымник". Переносные значения: "двор", "семейство".

Сопоставительно-типологический анализ значений и функций заимствования турва показывает, что оно соприкасается по своей семантике и функциональной роли обозначаемого предмета только со словом **ерк** в значении «дымоход, дымник» и несколько отвлеченно со значением «дымовое отверстие». Дымоход русской печи, с которым много лет назад познакомились калмыки, сильно отличался от дымохода национальной юрты и по конструкции, и по внешнему виду. Поэтому понятно, почему заимствовано слово труба (дымоход русской печи). В калмыцком варианте этого слова турва отсутствует семантическая связь его с другими словами по признаку, обозначающему «полюй пустотелый предмет».

Займствованные слова нередко способствуют коренному изменению значения исконных слов в языке-адресате, вытесняя его с семантического поля. Так, например, слово **ворота** в значении «широкая дверь, створы для проезда или прохода во двор» в калмыцком варианте произношения звучит как **баратгыг**. Как видно из транскрипционного написания, это заимствование подверглось полной адаптации: анлаутная фонема [в] заменена, по законам калмыцкой фонетики, фонемой [б] и все же общие черты звучания заимствования сохранились **баратг-**, а вот окончание -а отсутствует, но прибавился калмыцкий аффикс -г образования имен существительных, обозначающих названия средств и предметов действия по значению производящей основы, в качестве которой обычно выступают глагольные основы. В калмыцком варианте рассматриваемого слова

совершенно отсутствует значение множественности, которое характерно для исходной основы. При этом необходимо учесть, что у калмыков было собственное слово для передачи понятия «широкая дверь, створы для проезда или прохода», это **хаанһ** (произношение: **хагльһ**) от слова **хаах** (**ха:хь**) "закрывать". Для сравнения можно привести производные от этой же основы слова: **хаах** "закрывать, запирать, преграждать, загораживать," а также **хаагдх** "закрываться", **хаагдсн** "закрытый", **хаалпата** «закрытый, затворенный» и др. Однако в связи с заимствованием слова **ворота**, исконно калмыцкое **хааль** было вытеснено из своего семантического поля и за ним закрепилось другое понятие «дорога, путь». От этой основы образовались новые слова: **хаальч** «путеводитель, проводник», **хаальдан** «в пути, мимоходом» и др. Таким образом, основа этого слова породила целое семантическое поле, связанное с понятием «путь, дорога». Любопытно, что для передачи этого понятия в языке существуют и другие слова: **зам** «дорога, путь», например, **зам улан** **хаалһ** «широкая столбовая дорога», **жим хаалп** «узкая дорога, тропа, просека», **цувг** (**хаалп**) «тропинка, просека». Но за ними сохранились частные значения, отражающие отдельные виды дорог, путей и, как видно из примеров, и в этих случаях обычно употребляется в сочетании с ними и **хаалп**.

Встречаются случаи, когда названия вещей и явлений оказывают влияние на расширение семантического поля калмыцких слов, например, **асхн** «вечер» - время суток. Однако с появлением мероприятия с названием «вечер» **асхн** стало употребляться и в новом значении — семантическая функция **асхн** расширилась.

Такого рода влиянию подверглось и слово **альчур** «платок» в связи с заимствованием из русского языка функциональной предназначенности платка. В калмыцком языке словом **альчур** обозначалось полотенце. Кусок материи для вытирания рук, посуды, о чем свидетельствует исходная основа **арч-** (в данном случае произошло диссимилятивное изменение, в результате чего фонема [р] сменилась фонемой [ль]). Поэтому хозяйки завязывали платок за один конец к поясу халата или платья. Но позже калмычки, которые раньше надевали на голову шапку, стали завязывать на голову платок, как русские женщины. В результате чего изменилось функциональная предназначенность и семантическое значение слова **альчур**.

Наблюдается вытеснение заимствованием исконно калмыцкого слова с таким же значением. К таким явлениям относятся заимствования типа **барш** «доход, прибыль, процент на капитал». Оно заимствовано несмотря на то, что в калмыцком языке имеется и активно функционирует с таким же точно значением слово **олз** «выгода, польза». Таким образом,

слова **олз** и **барш** стали синонимами. От **барш** образуются и другие части речи: **баршлх** «получать сверх положенного, спекулировать», **барша** «прибыльный, выгодный». Возникновение новых синонимов благодаря заимствованию — явление довольно распространенное в калмыцком языке, о чем свидетельствуют и такие примеры: **бо:же** «вожжи» при наличии жола «вожжи», **цэве** «цепь» при **шинжур** «цепь», **барш** «барыш» при **олзь** «барыш, доход», **салдъс** «солдат» при **цэрег** «солдат». При этом происходит различного рода дифференциации значения заимствованного слова или собственного слова, или обоих слов сразу.

Заимствования нередко оказывают влияние на дифференциацию значения ранее существовавших слов. Примером может служить слово **бичэч**, которым еще в средневековье называли людей, которые были секретарями в государственном аппарате и были писателями. Позже называли и вообще грамотных, пишущих людей. С появлением в Калмыкии профессии писателя вполне логично писатель стал называться **бичэч**. Этому способствовало освоение русизмов **пи:сер** (от русского **писарь** — должностное лицо для переписки и составления канцелярских бумаг), а затем **сеглэтр** (**сэглэ:тер**) "секретарь", которыми в русском языке обозначали лицо, занимавшееся ведением деловой переписки отдельного лица или учреждения, а также лицо, ведущее протокол собрания. Кроме того, **секретарь** — это выборный руководитель организации, ответственный руководитель учреждения или какого-нибудь органа. Это слово было заимствовано и произошла дифференциация функциональной роли, следовательно, и семантического значения слова **бичэч**, которое стало обозначать понятие «**писатель**», а заимствованные **пииср** (писарь) и **сеглэтр** (секретарь) стали употребляться вместо прежних функций слова **бичэч**, передававших значения "секретарь" и "писарь".

Таковы влияния заимствований на сферу функционирования бытовавших в языке лексики и семантическую дифференциацию отдельных групп слов.

Спорным является слово **закан** «закон», которое широко употребляется в значении «закон», «власть». Обычно считают его заимствованием из русского языка. Основанием для такой точки зрения является его созвучность и семантическое тождество со словом **закон**. Действительно, по фонетической структуре они почти тождественны, единственным различием является гласный второго слога, в русском языке фонема [о], а в калмыцком [а], что же касается их значения, то они сегодня в обоих языках практически совпадают. Помимо этих значений слово **закон** в русском языке передает, в зависимости от контекста, как известно, и другие

значения: строгое предписание, общепринятое правило, обычай, объективные закономерности, причинно-следственные отношения, а также и религиозное учение, религия. Возникает вопрос: какая была необходимость заимствовать слово закон, если в калмыцком было адекватное по значению слово йосн? Его значения: «власть, закон, общепринятое правило, обычай, традиция, порядок совершения какой-либо церемонии, соблюдение этикета, обычая». **Йосн** использовался для передачи и других значений, например, в «Биографии Зая-Пандиты» повествуется: **Барунгал вед болен йосн, сурһульд суугсн йосн ...** "История (повесть) о том, как направился в Тибет", "История (повесть) о пребывании на учебе" и т.д. Еще более расширяет семантическое поле **йосн** то, что производные от него слова выражают и другие значения, например, йоста обозначает: "имеющий власть, законный, настоящий", "поистине, истинно, действительно", а также "должно быть, надо, следует". Поэтому создается впечатление, что не было необходимости прибегать к заимствованию слова закон, поскольку для этой цели было слово **йосн**.

С другой стороны, бытует точка зрения, что **закан** исконно калмыцкое слово. В пользу чего можно привести и некоторые данные. Это слово в числе других перечисляется в «Грамматике калмыцкого языка» как образованное от глагольной основы **зак-** «прикажи» + аффикс **-ан**. В этой связи целесообразно проанализировать различные формы, образованные от основы **зак-** «приказывать, давать распоряжение, наказывать»: **закрач** «распределитель, приказчик», (в XIX веке в Калмыкии была должность **зарьч болн закрач** «судья и распорядитель»), **закрмж** «поручение», **закх** «повелевать, приказывать, предписывать», **закрх** «командовать, распоряжаться, подчинять», **заквр** «наказ, распоряжение» и др.

Можно провести и другой анализ. Огубленный гласный среднего подъема в позиции непервого слога заимствуемого слова в калмыцком языке обычно делабиализуется. Однако это не относится к случаям, когда огубленный гласный находится под ударением, как в слове **закон**. Поэтому при заимствовании этого слова гласная фонема [o] должна была сохранить свое качество, чего нет в **закан**.

Таким образом, есть основание считать, что слово **закан** исконно калмыцкое. И, тем не менее, формирование его семантики как термина произошло, надо полагать, в советское время под влиянием русского слова **закон**, который в части правового понятия требовало адекватной передачи. Тем более, что слово **йосн**, которое очень полно передает понятие "власть", не подходит в силу своей полисемантической для обозначения понятия «закон».

Таким образом, исследования показали, что заимствования в калмыцком языке представляют собой один из наиболее активных способов пополнения лексического состава языка, особенно когда заимствуются слова, обозначающие новые понятия и явления. Но заимствуются слова и при наличии в языке-адресате исконных слов с почти таким же значением.

Заимствованные слова не только вносят в язык новые понятия, но и оказывают влияние на расширение значения исконных слов и дифференциацию семантического поля слов, образуют новые синонимы.

В истории проникновения в калмыцкий язык русизмов четко выделяются следующие периоды: а) дореволюционный, когда заимствования проникали устным путем; б) послереволюционный период, когда заимствования интенсивно проникали и устным, и письменным путем. И четко вырисовывается период после 28 декабря 1943 года, когда заимствования осваивались самым интенсивным образом.

В «Заключении» обобщены результаты исследования, изложены его основные выводы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. О тюркских лексических заимствованиях в калмыцком языке // Проблемы современного калмыковедения. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 75-летию проф. А.Борманджинова. Элиста, 2001. С. 70-71.

2. Некоторые общие проблемы заимствования // Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка). Материалы международной научной конференции. Элиста, 2003. С.115-116.

3. Семантическая адаптация русизмов в калмыцком языке // Русский язык в инонациональной среде. Элиста, 2004 - в печати (1,0 п.л.)

№ - 5375

3

MS

Подписано в печать 10.03.2004 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Объем 1,16 усл. печ. л. Тираж 100. Заказ № 5.

Отпечатано в малотиражной типографии Министерства образования Республики
Калмыкия, 358000, г. Элиста, пл. Ленина, Дом Правительства.